

Научная статья
УДК 159.99
DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-97-106
EDN: MLYAWD

Психологические особенности женщин с комплексом материнской неполноценности

Ирина Вячеславовна Гужва

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет». 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4
empatiya84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного вопросу изучения психологических особенностей женщин с комплексом материнской неполноценности.

Осуществлен широкий обзор литературных источников по рассматриваемой проблематике. Изучены особенности материнства как социального и личностного феномена, являющегося, с одной стороны, важным условием для развития ребенка, а с другой — составляющего часть личностной сферы женщины, отражающего определенный уровень развития ее самосознания и результат активного выбора ее личности как субъекта.

Сделан вывод о том, что комплекс материнской неполноценности представляет собой совокупность негативных тенденций в формировании образа себя как матери и включает деструктивные когнитивные установки, негативные эмоциональные переживания, неадекватные реакции в сфере отношений «мать — ребенок».

Проведенное исследование позволило выявить значимые тенденции в проявлении комплекса материнской неполноценности: во-первых, склонность оценивать себя как мать в негативном или неопределенном контексте, а во-вторых, наличие недостижимого образа идеальной матери.

Наряду с этим было установлено, что наличие чувства вины — одно из проявлений комплекса материнской неполноценности, приводящее к различным деструктивным поведенческим реакциям и проступкам, а также вызывающее еще одно дискомфортное эмоциональное переживание — состояние тревоги.

Также было выявлено, что женщинам с комплексом материнской неполноценности присущи нарушения взаимоотношений с ребенком, выраженные в воспитательном процессе. В зависимости от установок и усвоенных моделей поведения эти нарушения могут быть различны, но чаще всего встречаются стили потворствующей гиперпротекции и повышенной моральной ответственности.

Ключевые слова: родительство; материнство; комплекс неполноценности; комплекс материнской неполноценности; когнитивные установки; модели поведения; стили воспитания

Для цитирования: Гужва И. В. Психологические особенности женщин с комплексом материнской неполноценности // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 97-106.
<http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-97-106>. <https://elibrary.ru/mlyawd>

Original article

Psychological characteristics of women with a maternal inferiority complex

Irina V. Guzhva

Candidate of psychological sciences, associate professor of department of general psychology, FSBEI HE «Smolensk state university». 214000, Smolensk, Przhevalsky st., 4
empatiya84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-1520>

Abstract. This article presents the results of a study devoted to the issue of psychological characteristics of women with a maternal inferiority complex.

The wide review of literary sources on the considered problematics is carried out. The features of the phenomenon of motherhood as a social and personal phenomenon which, on the one hand, is an important condition for the child's development and, on the other hand, is a part of a woman's personal sphere including a certain level of her self-awareness development and the result of her personality active choice as a subject are studied.

It is concluded that the maternal inferiority complex is a set of negative tendencies in the formation of the image of herself as a mother, including destructive cognitive attitudes, negative emotional experiences, inadequate reactions in the sphere of mother-child relations.

The study revealed significant trends in the manifestation of the maternal inferiority complex: first, the tendency to evaluate oneself as a mother in a negative or uncertain context, and second, the presence of an unattainable image of an ideal mother.

Along with this, it was found that the presence of guilt is one of the manifestations of the maternal inferiority complex, leading to various destructive behavioral reactions and transgressions, as well as causing another discomforting emotional experience — the state of anxiety.

It was also revealed that women with a maternal inferiority complex are characterized by violations of the relationship with the child, expressed in the educational process, depending on the attitudes and learned patterns of behavior, these violations can be different, but most often there are styles of pandering hyperprotection and increased moral responsibility.

Keywords: parenting; motherhood; inferiority complex; maternal inferiority complex; cognitive attitudes; behaviors; parenting styles

For citation: Guzhva I. V. Psychological characteristics of women with a maternal inferiority complex. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(6): 97-106. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-97-106>. <https://elibrary.ru/mlyawd>

Введение

В настоящее время наука шагнула в своем развитии достаточно далеко и за короткий промежуток времени появился целый ряд различных теорий о воспитании, взаимодействии с детьми, теорий привязанности. Часто эти теории противоречат друг другу. Очень много доступной научной и популярной литературы для матерей о том, как правильно вести себя с ребенком. Однако все это обилие информации часто вызывает неожиданный эффект. Если своей задачей авторы ставят облегчить матери жизнь, то в реальности погружают ее в сомнения относительно того, какие конкретно рекомендации выбрать. Особенно сложно становится тем женщинам, чьи модели детско-родительских отношений недостаточно адекватны, если нарушены отношения с матерью или у женщины низкая самооценка, а значит она априори считает себя не слишком успешной и способной выбрать верный путь. Особая категория таких женщин — женщины с комплексом материнской неполноценности. Часть из них так и не решаются завести детей и, таким образом, не сталкиваются с проблемой выстраивания детско-родительских отношений, но остальным оказывается достаточно сложно сориентироваться и понять, что делать.

В современной теоретической психологии немало исследований о комплексах — в основном это разработки психоаналитического направления З. Фрейда [Фрейд, 1989], К. Юнга [Юнг, 1994], которые были продолжены А. А. Адлером [Адлер, 2011]. Применительно к поиску причин формирования комплекса неполноценности у матерей данную проблему рассматривали Е. И. Захарова [Захарова, 2012], Ю. А. Торчилина

[Торчилина, 2012], Н. В. Дмитриева [Дмитриева, 2004]. Однако развернуто симптомокомплекс материнской неполноценности в научной литературе не описан.

Также в психологических источниках раскрываются различные стороны родительства, проблемы семей, матерей и отцов, которые сопровождают их путь выстраивания отношения с ребенком [Овчарова, 2003; Варга, 2011; Шнейдер, 2006; Филиппова, 2001; Мухамедрахимов, 1994; Спиваковская, 1986; Столин, 1988; Шаграева, 2010; Брутман, 2002; Ворошнина, 2011]. Однако, несмотря на системное описание категорий родительства, материнства и отцовства, практически нельзя найти описания комплекса неполноценности применительно к матерям, тогда как именно он будет нарушать естественное течение построения взаимоотношения с ребенком. Это и определило выбор темы нашего исследования.

Исходя из вышесказанного, целью настоящего исследования явилось изучение психологических особенностей женщин с комплексом материнской неполноценности.

Объект исследования — комплекс материнской неполноценности.

Предмет исследования — психологические особенности комплекса материнской неполноценности у женщин, имеющих детей.

В ходе исследования были использованы следующие группы методов:

I. Общенаучные (историко-теоретический анализ современных источников по проблеме исследования, теоретическое моделирование).

II. Диагностические методы: констатирующий эксперимент, тестирование (методика Р. В. Овчаровой «Представления об идеальном

родителе», методика «измерение чувства вины и стыда» (Test of Self-Consciousness Affect — TOSCA-3 Дж. П. Тангней), методика «Интегративный тест тревожности», опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера.

III. Методы математической обработки и интерпретации данных: критерий достоверности различий Манна — Уитни (SPSS Statistics 22).

Опытно-экспериментальная база и контингент исследования.

Исследование проводилось на базе МБДОУ детский сад № 78 Исток г. Смоленска.

Выборка нашего эмпирического исследования сформировалась из двух категорий женщин. Первая группа (экспериментальная группа) — матери детей детского сада, которые самостоятельно обращались к педагогу-психологу учреждения за помощью в решении проблем переживания собственной неполноценности как матери. В частности, их волновали вопросы взаимодействия с детьми, связанные с пониманием их потребностей, умением выстроить адекватный контакт. Эта группа включала 27 матерей.

Вторая группа (контрольная) — матерей детей, посещающих то же детский сад, которые за помощью не обращались. Таких женщин было 34.

Таким образом, поскольку у всех женщин дети посещали одно дошкольное учреждение, можно считать, что в целом группы были выравнены по социально-экономическому параметру, женщины в группах относительно равномерно распределились и по возрасту, и по количеству детей в семье. Рассматривая далее результаты эмпирического исследования, будем называть группы «группа 1» и «группа 2».

Результаты исследования

С целью установления психологических особенностей женщин с комплексом материнской неполноценности мы организовали эмпирическое исследование, в основу которого лег сравнительный констатирующий эксперимент. Для выявления диагностических критериев мы взяли за основу сформированную в теории модель комплекса материнской неполноценности, в соответствии с тремя ключевыми компонентами которого подбирались исследовательские методики.

Первый параметр комплекса материнской неполноценности — когнитивный, он включает когнитивные установки о материнстве, представления о нормальном и идеальном образе матери, представления о себе как о матери и ее качествах.

Для диагностики особенностей, включенных в данный параметр, лучше всего подходит психодиагностическая методика «Представления об идеальном родителе», разработанная Р. В. Овчаровой.

Второй параметр комплекса материнской неполноценности включает в себя эмоциональные переживания женщины, которые, согласно выдвинутому нами предположению, представлены в виде субъективного переживания чувства вины и повышенного уровня тревожности.

Для оценки показателя чувства вины использовалась методика «Измерение чувства вины и стыда» (Test of Self-Consciousness Affect — TOSCA-3 Дж. П. Тангней). Она позволила нам изучить феномен «чувство вины» с позиции трех его составляющих: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Для оценки показателя тревожности нами использовался «Интегративный тест тревожности», который позволил выявить общие показатели тревожности (ситуативной и личностной), а также рассмотреть такие ее структурные компоненты, как эмоциональный дискомфорт, астенический компонент, фобический компонент, тревожная оценка перспективы, опциональная защита.

Третьим параметром комплекса материнской неполноценности является поведенческий, что согласно разработанной нами модели проявляется в родительском воспитании, отношении к ребенку. В данном контексте нам лучше всего подходит психодиагностический опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера (методика АСВ).

В связи с тем, что в модели комплекса материнской неполноценности выделено три компонента, рассмотрим каждый из них поочередно.

Раскрывая когнитивный параметр комплекса материнской неполноценности, мы предположили, что именно когнитивные установки будут оказывать наибольшее влияние на его формирование. Для оценки когнитивных установок мы использовали методику Р. Г. Овчаровой «Представления об идеальном родителе». Данную методику мы применили в двух контекстах. Сначала попросили женщин оценить себя по заданным шкалам как реальную мать со всеми ее достоинствами и недостатками, так, как они себя видят. А затем попросили оценить по тем же шкалам идеальный образ матери, который у них есть. Получились интересные результаты, особенно при сравнении результатов исследуемых групп.

Таблица 1

Когнитивные установки «о себе как реальной матери» у женщин по результатам методики «Представления об идеальном родителе»

Показатели	Группа 1	Группа 2
Положительное — отрицательное	5,65 ± 8,34	17,14 ± 4,64
Должное — обязательное	8,45 ± 10,23	15,10 ± 2,27
Теплое — холодное	6,13 ± 8,24	16,23 ± 4,56
Предполагаемое — отвергаемое	0,13 ± 5,12	10,12 ± 3,45
Достижимое — неосуществимое	10,13 ± 2,45	18,56 ± 3,78
Простое — сложное	12,14 ± 3,45	14,76 ± 5,13

Разброс значений показывает, что образ реальной матери в экспериментальной группе женщин колеблется сильнее, а также чаще выражены отрицательные значения, что говорит о негативном восприятии женщиной себя как матери, либо, как в случае нулевых значений или близких к единице, свидетельствует о ее неуверенности, неясности представлений о себе и своей роли в материнстве. Описывая полученные данные, важно отметить, что наиболее низкие результаты у матерей в экспериментальной группе по параметру «предполагаемое — отвергаемое». Это говорит о том, что для них характерно приписывание меркантильных причин ситуациям взаимодействия с ребенком, восприятие себя как эгоистичной, удовлетворяющей собственные потребности в процессе воспитания, не помогающей ребенку, не слушающей и часто приказывающей, а также неодобряющей и безжалостной. Крайние значения характерны для матерей очень редко, тем не менее была установлена явная тенденция — склонность оценивать себя скорее негативно. В контрольной группе по этому параметру мы наблюдаем также самые низкие значения, но они все же положительные и намного превышают значения в экспериментальной группе. На втором по значению месте мы видим шкалу «положительное — отрицательное». Здесь наблюдается тенденция к оценке себя как неблагоприятной, не умеющей, усталой и несчастной или злой. То есть подчеркивается выраженность негативного эмоционального ощущения себя в воспитании ребенка. По этой шкале в контрольной группе мы видим самые высокие значения, Это говорит о том, что при любых реальных навыках воспитания и взаимодействия с ребенком матери все же склонны оценивать свой эмоциональный фон как позитивный и отношения с ребенком — как приносящие удовольствие. Третья по значимости позиция отдана параметру «теплое — холодное», что отражает холодность и строгость в характеристике себя как матери.

Подчеркивается низкий уровень контакта с ребенком. На четвертом месте оказались результаты по шкале «достижимое — неосуществимое», что означает представления матери о себе как неспособной добиваться успехов в воспитании, представляющей решение проблем как недостижимое, подчеркивается общая неготовность к принятию решений, так как ситуация заведомо воспринимается слишком сложной. Таким образом, представления о себе как реальной матери в двух группах отличаются. Расчет критерия Манна — Уитни подтвердил достоверность различий между контрольной и экспериментальной группами по параметрам «положительное — отрицательное» ($U = 2,05$ при $p < 0,05$), «теплое — холодное» ($U = 4,56$ при $p < 0,05$), «предполагаемое — отвергаемое» ($U = 3,15$ при $p < 0,05$), «достижимое — неосуществимое» ($U = 2,65$ при $p < 0,05$). По двум другим шкалам результаты различаются, но статистически незначимо.

Далее мы попросили женщин оценить образ идеальной матери, затем сравнили полученный образ с реальным.

Наибольшая разница в значениях установлена по параметру «принимаемое — отвергаемое», что говорит о наличии установок о непринятии, в первую очередь, себя — мать считает себя эгоистичной, но при этом хочет быть с ребенком. Наблюдается когнитивный диссонанс, который предположительно связан с неадекватной оценкой себя, с заниженными представлениями о себе как матери и завышенными притязаниями, которые, скорее всего, проистекают еще из детских представлений о том, какой должна быть правильная мать. Небольшое расхождение установлено только по параметру «простое — сложное». Данный параметр установок говорит о неуважительном отношении к ребенку на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне. Здесь мы видим положительную установку и при описании себя реальной, и в образе идеальной матери. Возможно, это связано как раз с осознанием

своей проблемы — комплекса материнской неполноценности, поэтому понимание ребенка как субъекта процесса воспитания заставляет женщину искать психологической помощи. Достоверность различий по всем параметрам, кроме «простое — сложное», установлена с помощью расчета критерия Манна — Уитни (U положительное — отрицательное = 3,78 при $p < 0,05$), (U должное — обязательное = 3,54 при $p < 0,05$), (U теплое — холодное = 2,45 при $p < 0,05$), (U предлагаемое — отвергаемое = 2,55 при $p < 0,05$), (U достижимое — неосуществимое = 4,8 при $p < 0,05$).

Рассмотрим теперь различия в данных, полученных в контрольной группе женщин. Можно отметить, что различия в оценках реального и идеального образа матери отличаются от результатов в экспериментальной группе. Отличия выражены значительно ниже. Расчет критерия Манна — Уитни на уровне значимости $p < 0,05$ не подтвердил достоверности различий по трем параметрам. Достоверность различий была установлена только по шкалам «должное — обязательное» ($U = 4,5$ при $p < 0,05$), «предлагаемое — отвергаемое» ($U = 2,9$ при $p < 0,05$), «простое — сложное» ($U = 4,34$ при $p < 0,05$). Однако даже по этим параметрам образ идеальной матери отличается не более чем на 20 %, что говорит об адекватном уровне притязаний и понимании своих возможностей. Различия же в интервале до 10 % являются достижимыми с точки зрения общего развития материнских навыков.

Таким образом, обобщая результаты по исследованию когнитивного компонента комплекса материнской неполноценности, можно говорить о двух значимых тенденциях. Во-первых, это склонность оценивать себя как мать в негативном или неопределенном контексте, а во-вторых, наличие недостижимого образа идеальной матери. Оба эти аспекта тесно связаны с самооценкой матери и ее представлениями о себе как о человеке в целом.

Далее перейдем к рассмотрению второго параметра комплекса материнской неполноценности, включающего в себя эмоциональные переживания женщины.

Одним из составляющих комплекса материнской неполноценности является чувство вины, которое, в свою очередь, представляет собой комплекс переживаний, возникающих в результате осознания матерью последствий ее действий и поступков для ребенка. Будучи связана с нормами социального поведения, вина регулируется

целым комплексом социальных ролей и установок. Следовательно, мать всегда знает, что ее вина в том, что она является «плохой матерью».

Исходя из вышесказанного, мы предположили, что у женщин с комплексом «материнской неполноценности» будет наблюдаться склонность к переживанию вины, рассматриваемая нами как деструктивная характеристика личности.

Далее обратимся к анализу результатов, которые были получены после обработки и интерпретации методики «Измерение чувства вины и стыда» (Таблица 2).

Таблица 2

Переживание чувства вины и стыда у женщин по результатам методики «Измерение чувства вины и стыда»

Показатели	Группа 1	Группа 2
Вина	53,23 ± 13,78	42,12 ± 14,12
Стыд	49,21 ± 6,34	40,41 ± 3,61
Экстернальность	53,46 ± 5,78	37,12 ± 7,23

Как показало наше исследование, для первой группы характерны более высокие показатели по шкале «Вина» (преобладают повышенные и высокие оценки), тогда как для второй группы характерны средние и повышенные.

Это свидетельствует о том, что для матерей первой группы характерно быстрое возникновение чувства вины. Данная категория женщин часто испытывает состояния дискомфорта и фрустрации. Эти переживания возникают у них в ситуациях, связанных с отрицательным востриятием своего поведения, разрушением собственных нравственных идеалов и образцов поведения. В процессе взаимодействия с ребенком это проявляется в том, что, совершая те или иные действия или поступки, женщины постоянно сравнивают себя с неким образом, эталоном «идеальной матери», заведомо осознавая, что «проиграют». В результате они испытывают напряжение, тревогу, раскаяние, сожаление, жалость к себе, желание во чтобы то ни стало искупить и исправить содеянное. Достоверность различий по шкале «Вина» между двумя группами была статистически доказана с помощью критерия достоверности различий Манна — Уитни ($U = 4,89$ при $p < 0,05$).

Анализируя результаты по шкале «Стыд», необходимо отметить, что более высокие значения наблюдаются также у женщин первой группы.

Повышенные показатели по шкале «Стыд» свидетельствуют о том, что у рассматриваемой категории матерей наблюдается склонность к пе-

реживанию чувства стыда. Данная реакция, как правило, имеет место в ситуациях, связанных с осознанием женщиной того факта, что ее поведение воспринимается окружающими как неправильное, неприличное, не соответствующее существующим в обществе стандартам. Следовательно, данные эмоциональные реакции распространяются и на ребенка и на все ситуации, связанные с ним. Для этих женщин первостепенное значение приобретают оценки окружающих, они постоянно ждут от других людей одобрения используемой ими воспитательной модели и, не находя его, испытывают состояние дискомфорта и стыда. Достоверность различий по шкале «Стыд» между двумя группами была доказана статистически с помощью критерия достоверности различий Манна — Уитни ($U = 2,46$ при $p < 0,05$).

Далее рассмотрим результаты по шкале «Экстернальность». Анализируя данный показатель, мы также можем увидеть различия между двумя группами испытуемых. Так, для матерей первой группы характерны более высокие оценки (повышенные показатели). Это свидетельствует о том, что при возникновении ситуаций, в которых женщины испытывают чувство вины и стыда, они занимают самообвинительную позицию, укоряя и осуждая себя. Матерям второй группы, напротив, свойственно искать причины своего эмоционального дискомфорта в окружающем и возлагать вину на других людей и обстоятельства. Достоверность различий по шкале «Экстернальность» между двумя группами была доказана статистически с помощью критерия достоверности различий Манна — Уитни ($U = 3,5$ при $p < 0,05$).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что между рассматриваемыми группами

женщин наблюдаются существенные различия по исследуемому показателю. Следовательно, мы можем предположить, что наличие чувства вины — одно из проявлений комплекса материнской неполноценности, приводящее к различным деструктивным поведенческим реакциям и поступкам. Таким женщинам, как правило, трудно устанавливать межличностные отношения, поскольку окружающих они воспринимают, прежде всего, как «оценщиков» их поведения и поступков. Наряду с этим, у них могут возникать сложности, связанные с постановкой и достижением целей, они постоянно сомневаются, долго взвешивают все за и против и, в конечном итоге, опасаясь осуждения, отказываются от задуманного.

Чувство вины очень часто вызывает еще одно дискомфортное эмоциональное переживание — состояние тревоги, которое, по нашему мнению, также является одним из симптомов комплекса материнской неполноценности.

Состояние тревоги — важный фактор, который оказывает существенное влияние на формат взаимоотношений между матерью и ребенком и определяет их эмоциональную окраску и насыщенность. В состоянии тревоги женщина может испытывать комплекс разнообразных эмоций, имеющих отрицательную окраску (злость, страх, волнение, гнев и др.), которые, в свою очередь, будут влиять на ее самочувствие и определять особенности выстраивания взаимоотношений с ребенком. В крайних случаях возможно проявление деструктивных форм поведения и реагирование на собственного ребенка.

Для оценки показателя тревожности нами использовался «Интегративный тест тревожности». Рассмотрим полученные результаты (см. таблицы 3, 4).

Таблица 3

Структурные компоненты ситуативной тревожности

Показатели	Женщины (1 группа)		Женщины (2 группа)		Критерий Манна — Уитни
	$M \pm t$	станайны	$M \pm t$	станайны	
Общая тревожность	$25,7 \pm 2,3$	8	$9,6 \pm 1,1$	4	$4,56, p < 0,05$
Эмоциональный дискомфорт	$168,6 \pm 5,2$	8	$59,2 \pm 7,1$	3	$2,34, p < 0,05$
Астенический компонент	$158 \pm 6,0$	7	$59,4 \pm 5,9$	5	$3,24, p < 0,05$
Фобический компонент	$112,4 \pm 6,5$	7	$26,8 \pm 4,4$	4	$3,5, p < 0,05$
Тревожная оценка перспективы	$183,6 \pm 8,2$	8	$97,5 \pm 7,2$	5	$5,3, p < 0,05$
Социальная защита	$141,2 \pm 5,7$	6	$83,7 \pm 6,6$	4	$3,4, p < 0,05$

Таблица 4

Структурные компоненты личностной тревожности

Показатели	Женщины (1 группа)		Женщины (2 группа)		Критерий Манна — Уитни
	$M \pm t$	станайны	$M \pm t$	станайны	
Общая тревожность	$29,7 \pm 1,3$	8	$18,3 \pm 1,2$	6	$3,67, p < 0,05$
Эмоциональный дискомфорт	$198,7 \pm 8,2$	8	$111,3 \pm 9,3$	5	$5,78, p < 0,05$

Показатели	Женщины (1 группа)		Женщины (2 группа)		Критерий Манна — Уитни
	$M \pm m$	стандарты	$M \pm m$	стандарты	
Астенический компонент	209,8 ± 6,4	9	96,2 ± 4,3	6	3,9, $p < 0,05$
Фобический компонент	149,9 ± 6,7	8	38,5 ± 3,2	5	4,13, $p < 0,05$
Тревожная оценка перспективы	228,8 ± 7,6	9	112,9 ± 4,3	4	5,89, $p < 0,05$
Социальная защита	186,2 ± 6,2	7	72,4 ± 3,4	2	4,65, $p < 0,05$

Анализируя полученные показатели, можно сделать вывод, что в сопоставляемых группах ярко выражены различия между показателями ситуационной и личностной тревожности. Данные различия проявляются в более высоких оценках по обоим шкалам у матерей первой группы. Это, в свою очередь, определяет их эмоциональную лабильность и может являться фактором, оказывающим негативное влияние на адекватность проявления материнской любви и заботы, выбранного стиля воспитания. Для данной категории женщин свойственно постоянное наличие таких негативных эмоциональных состояний, как беспокойство, напряжение, волнение, присутствие негативных мыслей и предчувствий.

Для матерей второй группы в основном характерны средние показатели личностной и ситуативной тревожности, что определяет стабильность их эмоционального фона, адекватность в проявлении материнских чувств.

Рассматривая структурные компоненты, можно заметить, что у женщин, отнесенных нами к группе матерей с признаками комплекса материнской неполноценности, наблюдается высокий уровень общей тревоги (личностной и ситуативной). Также для них характерны высокие показатели по шкале «Эмоциональный дискомфорт». Это свидетельствует о переживании женщинами негативных эмоциональных состояний, являющихся следствием осознания ими нарушений в ценностно-мотивационной сфере, связанных с несоответствием выбранной поведенческой модели взаимодействия с ребенком идеализированным представлениям.

Наряду с этим, существенные различия между исследуемыми группами наблюдается по шкале «Астенический компонент». Можно увидеть значительное повышение данного показателя у женщин первой группы, что свидетельствует о превалировании в структуре тревожности данных матерей пассивности, инертности, усталости, утомляемости, снижении мотивации.

Характеризуя шкалу «Фобический компонент», можно отметить яркую выраженность высоких показателей у женщин с признаками ком-

плекса материнской неполноценности. Это свидетельствует, что у данных матерей присутствует ощущение собственной бесполезности, ненужности, некомпетентности, неуверенности в себе. При взаимодействии с ребенком у них возникает стойкое убеждение, что все действия, которые они совершают, негативно сказываются на ребенке, вредят ему. В некоторых ситуациях могут возникать навязчивые страхи, приводящие к деструктивному поведению.

Показатель «Тревожная оценка перспектив», высокий как по шкале ситуативной, так и личностной тревожности, свидетельствует о том, что у матерей первой группы имеет место проекция существующих страхов и опасений на будущее. Для них, как правило, характерно отсутствие уверенности в завтрашнем дне, негативное видение себя и своего ребенка в перспективе, отсутствие четких планов и стратегий действия.

Анализируя параметр «Социальная защита», можно отметить высокие показатели по шкале личностной тревожности у женщин первой группы, что может быть связано с возникновением тревожности в сфере социального взаимодействия. Данным женщинам свойственно воспринимать социальное окружение как источник опасности, напряжения, представляющий угрозу, вызывающий неуверенность.

Результаты по методике «Интегративный тест тревожности» позволяют подтвердить предположение о том, что одним из показателей комплекса материнской несостоятельности является повышенная тревожность, которая оказывает негативное влияние как на эмоциональное состояние женщины, так и на процесс выстраивания адекватных взаимоотношений с ребенком. Эмоциональная лабильность, дискомфорт, напряженность, астенизация, негативные установки на будущее не позволяют женщине в полном объеме реализовать свой «материнский» потенциал, а в некоторых ситуациях даже затрудняют адекватное проявление материнской любви и заботы.

Рассматривая поведенческий компонент комплекса материнской неполноценности, мы остановились на его ключевых проявлениях через реализацию стиля воспитания матери. Для диа-

гностики данного компонента мы применили психодиагностический опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера. Вариант опросника применялся для родителей детей в возрасте 3-10 лет. Нас интересовало, насколько гармоничные стили воспитания характерны для исследуемых матерей и какие дисгармоничные варианты преобладают.

Сравнивая результаты экспериментальной и контрольной группы, мы установили, что такие различия действительно есть, однако это касается не всех стилей воспитания.

Мы наблюдаем различия по большей части типов дисгармоничных стилей воспитания. В одном случае не было выявлено ни одной матери с таким стилем (это характерно для обеих групп) — это касается жестокого обращения с ребенком. Чаще всего в группе женщин, обратившихся за помощью в преодолении комплекса материнской неполноценности, встречаются стили противоположной направленности: это потворствующая гиперпротекция и повышенная моральная ответственность. Частота встречаемости первого предположительно связана с гиперкомпенсацией матерью ее неумения понять истинные потребности ребенка, поэтому она стремится окружить его максимальным вниманием, удовлетворить каждую мелочь, при этом наблюдаются нарушения границ в поведении ребенка, поддерживается полная его несамостоятельность. В детском саду такой ребенок плохо адаптируется, что и побуждает мать обращаться к психологу. Стиль повышенной моральной ответственности также связан с неумением понять потребности своего ребенка, но здесь, напротив, внимание к ним снижено — главным для матери оказывается выстраивание жестких требований. Таким структурированием отношений с минимумом эмоциональной поддержки ребенка мать пытается сделать логичным то, что недоступно ей на эмоциональном уровне вчувствования в ребенка.

Второе место по частоте встречаемости дисгармоничных стилей воспитания в группе женщин с комплексом материнской неполноценности делят два стиля — доминирующая гиперпротекция и эмоциональное отвержение. Для этих стилей характерна слабая степень предъявления требований, снижено удовлетворение потребностей ребенка. При доминирующей гиперпротекции ярко выражена система запретов и санкций на фоне стремления уделять больше времени ребенку. А при эмоциональном отвержении матери

стараются как можно меньше времени проводить с ребенком, при этом снижено и предъявление требований к нему, что не позволяет сформировать у ребенка понимание границ.

Дважды встретился стиль гипопротекции, ключевыми особенностями которого являются низкий уровень внимания к ребенку, при этом его потребности не удовлетворяются, система запретов и требований практически не выработана. Таким образом, все описанные дисгармоничные стили воспитания так или иначе связаны с неумением или нежеланием матери понять ребенка, плохо сформированы навыки материнства, у матери отсутствуют ресурсы, позволяющие уделять ребенку достаточно внимания. Так как все эти матери обратились за помощью, речь идет не о нежелании общаться с ребенком, а скорее о наличии глубоких проблем, связанных с проявлениями себя как матери, наличии некорректных моделей поведения, возможно заимствованных еще из детских отношений с матерью. Достоверность различий была статистически подтверждена критерием Манна — Уитни на уровне значимости $p < 0,05$ для всех стилей семейного воспитания, кроме жестокого обращения.

В группе женщин с комплексом материнской неполноценности преобладают дисгармоничные стили семейного воспитания в отличие от контрольной группы. Достоверность различий была доказана с помощью расчета критерия Манна — Уитни на уровне значимости $p < 0,05$ ($U = 2,54$ при $p < 0,05$). Это означает, что экспериментальная и контрольная группы действительно отличаются по своим проявлениям в поведении и воспитании. Как и предполагалось, женщинам с комплексом материнской неполноценности присущи нарушения взаимоотношений с ребенком, выраженные в воспитательном процессе, в зависимости от установок и усвоенных моделей поведения эти нарушения могут быть различными, но чаще всего встречаются стили потворствующей гиперпротекции и повышенной моральной ответственности, когда ребенку уделяется внимание на фоне слабого удовлетворения его истинных потребностей. Встречаются также и другие дисгармоничные стили воспитания.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что комплекс материнской неполноценности представляет собой сложное явление, которое мы определили как совокупность негативных тенденций в формировании образа себя как матери, включающий деструктивные

когнитивные установки, негативные эмоциональные переживания, неадекватные реакции в сфере отношений «мать — ребенок».

В ходе исследования нами были выявлены основные психологические особенности женщин с комплексом материнской неполноценности, проявляющиеся на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом.

Библиографический список

1. Адлер А. Комплекс неполноценности и комплекс превосходства. Москва : Астер-Х, 2011. 158 с.
2. Алексеев Н. А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики : монография. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 1996. 216 с.
3. Беляева С. И. Тревожность и проявление материнской любви в семьях с делинквентными подростками // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 2. С. 11.
4. Брутман В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 3. С. 27-41.
5. Бурина Е. А. Дистресс у беременных женщин: обзор литературы / Е. А. Бурина, В. А. Абаков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2020. Т. 10. Вып. 3. С. 367-378.
6. Ворошнина О. Р. Психическое развитие преждевременно родившихся детей младенческого возраста: теоретические и прикладные аспекты. Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2011. 99 с.
7. Дмитриева Н. В. Психология комплексов // Сибирский педагогический журнал. 2004. № 2. С. 154-158.
8. Захарова Е. И. Условия становления материнской идентичности / Е. И. Захарова, Ю. А. Торчинова // Известия ПгПу им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 34-39.
9. Камзина О. А. Содержательные особенности образа матери у молодых матерей / О. А. Камзина, М. С. Мышкина // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. С. 12-35.
10. Колесникова В. И. Материнский комплекс: роль и значение в процессе личностного развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2015. Том 1. № 4. С. 171-180.
11. Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 16-25.
12. Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. Москва : Изд-во Института психотерапии, 2003. 319 с.
13. Сиротенко Д. И. Особенности формирования психологической готовности к материнству // Инновационная наука. 2018. № 9. 67-72.
14. Сорокаумова Е. А. Особенности родительских установок молодых матерей с разным опытом родительства / Е. А. Сорокаумова, Е. Б. Мамонова // Педагогика и психология образования. 2019. № 7. С. 24-31.
15. Спиваковская А. С. Как быть родителями. Москва : Педагогика, 1986. 160 с.
16. Стреленко А. А. Образ ребенка в сознании беременных женщин / А. А. Стреленко, Е. Н. Колмычевская // Комплексные исследования детства. 2019. № 6. С. 76-91.
17. Тихомирова Е. В. Женщина в ранний период материнства как объект психологического исследования / Е. В. Тихомирова, И. А. Уманская // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2. С. 34-49.
18. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии психологии. 2001. № 2. С. 45-61.
19. Филиппова Г. Г. Современное состояние и задачи психологической помощи родителям в период ожидания и раннего развития ребенка // Журнал практического психолога. 2003. № 4-5. С. 222-249.
20. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. Москва : Наука, 1989. 359 с.
21. Черных Н. А. Материнство как социально обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 1. С. 45-57.

Reference list

1. Adler A. Kompleks nepolnocennosti i kompleks prevoshodstva = Inferiority complex and superiority complex. Moskva : Aster-H, 2011. 158 s.
2. Alekseev N. A. Lichnostno-orientirovannoe obuchenie: voprosy teorii i praktiki = Personal-oriented learning: questions of theory and practice : monografiya. Tjumen' : Izd-vo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. 216 s.
3. Beljaeva S. I. Trevozhnost' i projavlenie materninskoj ljubvi v sem'jah s delinkventnymi podrostkami = Anxiety and showing maternal love in families with delinquent teens // Medicinskaja psihologija v Rossii. 2018. T. 10. № 2. С. 11.
4. Brutman V. I. Vlijanie semejnyh faktorov na formirovanie deviantnogo povedenija materi = Impact of family factors on the formation of maternal deviant behavior // Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2002. № 3. S. 27-41.
5. Burina E. A. Distress u beremennyh zhenshhin: obzor literatury = Distress in pregnant women: literature review / E. A. Burina, V. A. Abakov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 10. Vyp. 3. S. 367-378.
6. Voroshnina O. R. Psichicheskoe razvitie prezhdevremennno rodivshihsjja detej mladencheskogo vozrasta: teoreticheskie i prikladnye aspekty = Mental

development of prematurely born infants: theoretical and applied aspects. Perm' : Permskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2011. 99 s.

7. Dmitrieva N. V. Psihologija kompleksov = Psychology of complexes // Sibirskij pedagogičeskij žurnal. 2004. № 2. S. 154-158.

8. Zaharova E. I. Usloviya stanovlenija materinskoj identičnosti = Conditions for the formation of a maternal identity / E. I. Zaharova, Ju. A. Torchinova // Izvestija PpPu im. V. G. Belinskogo. 2012. № 28. S. 34-39.

9. Kamzina O. A. Soderzhatel'nye sobennosti obraza materi u molodyh materej = Meaningful features of the mother's image in new mothers / O. A. Kamzina, M. S. Myshkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2019. № 4. S. 12-35.

10. Kolesnikova V. I. Materinskij kompleks: rol' i značenie v processe ličnostnogo razvitija = Maternal complex: role and importance in the process of personal development // Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. 2015. Tom 1. № 4. S. 171-180.

11. Muhamedrahimov R. Zh. Formy vzaimodejstvija materi i mladenca = Forms of mother-infant interaction // Voprosy psihologii. 1994. № 6. S. 16-25.

12. Ovcharova R. V. Psihologičeskoe soprovozhdenie roditel'stva = Psychological support for parenthood. Moskva : Izd-vo Instituta psihoterapii, 2003. 319 s.

13. Sirotenko D. I. Osobennosti formirovanija psihologičeskoj gotovnosti k materinstvu = Features of the formation of psychological readiness for motherhood // Innovacionnaja nauka. 2018. № 9. 67-72.

14. Sorokaumova E. A. Osobennosti roditel'skih ustanovok molodyh materej s raznym opytom roditel'stva = Features of parental attitudes of young mothers with different parenting experience / E. A. Sorokaumova, E. B.

Mamonova // Pedagogika i psihologija obrazovanija. 2019. № 7. S. 24-31.

15. Spivakovskaja A. S. Kak byt' roditeljami = How to be parents. Moskva : Pedagogika, 1986. 160 s.

16. Strelenko A. A. Obraz rebenka v soznanii beremennyh ženshhin = The image of a child in the minds of pregnant women / A. A. Strelenko, E. N. Kolmyčevskaja // Kompleksnye issledovanija detstva. 2019. № 6. S. 76-91.

17. Tihomirova E. V. Ženshhina v rannij period materinstva kak ob'ekt psihologičeskogo issledovanija = A woman in the early period of motherhood as an object of psychological research / E. V. Tihomirova, I. A. Uman'skaja // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2020. № 2. S. 34-49.

18. Filippova G. G. Materinstvo i osnovnye aspekty ego issledovanija v psihologii = Motherhood and major aspects of its research in psychology // Voprosy psihologii psihologii. 2001. № 2. S. 45-61.

19. Filippova G. G. Sovremennoe sostojanie i zadachi psihologičeskoj pomoshhi roditeljam v period ožhidanija i rannego razvitija rebenka = The current state and tasks of psychological assistance to parents during the expecting period and early development of the child // Žurnal praktičeskogo psihologa. 2003. № 4-5. S. 222-249.

20. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz = Introduction to psychoanalysis : lekcii. Moskva : Nauka, 1989. 359 s.

21. Černyh N. A. Materinstvo kak social'no obuslovlennyj fenomen. Jempiričeskoe issledovanie trevožnosti beremennyh = Motherhood as a socially conditioned phenomenon. Empirical study of pregnancy anxiety // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2016. № 1. S. 45-57.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted on 13.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication on 10.11.2022.